

ГЕННАДИЙ ЕСИН

偵探
一九一四

ТЕНЬ НАД
ГОНКОНГОМ

18+

Расследования инспектора Лестрейда

Геннадий Есин

Тень над Гонконгом

«Автор»

2026

Есин Г.

Тень над Гонконгом / Г. Есин — «Автор»,
2026 — (Расследования инспектора Лестрейда)

Лето 1914 года. Бывший старший инспектор Скотленд-Ярда Джордж Лестрейд наслаждается заслуженной пенсией в тихом Девоншире, ведя непримиримую борьбу с сорняками в компании черного кота по кличке Мориарти. Но спокойной жизни приходит конец, когда из Гонконга приходит тревожное письмо от старого друга. При загадочных обстоятельствах умирает богатый британский антиквар сэр Персиваль Грейстон. Местные врачи диагностируют сердечный приступ, однако кроваво-красные иероглифы «Небесное долголетие», оставленные на каминной вытяжке, заставляют Лестрейда усомниться в поставленном диагнозе. Лестрейд вместе со своим пушистым напарником отправляется на Восток. Здесь, на окраине Империи, где законы Британии бессильны перед древними обычаями тайных обществ-триад, смерть торговца древностями оказывается лишь вершиной айсберга. Вашему вниманию предлагается увлекательный исторический детектив, в лучших традициях классического британского нуара.

© Есин Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Геннадий Есин

Тень над Гонконгом

Глава 1

В тексте романа встречаются описания табакокурения. Автор не курит и другим не советует. Упоминается и опиум, который с 1907 года был официально запрещён к торговле в Китае.

Упоминания опиума в романе служат исключительно для художественного воссоздания атмосферы эпохи. Автор не имеет намерения пропагандировать или оправдывать употребление каких бы ни было наркотических веществ.

Скрипучая тележка молочника, гремя по булыжнику, нарушала утреннюю тишину деревушки Бадли-Солтертон каждый день в одно и то же время. Здесь, на юго-западе Англии, среди девонширских холмов, два года назад поселился бывший старший инспектор Скотленд-Ярда Джордж Лестрейд.

Каждый раз, просыпаясь от грохота, он испытывал тихое облегчение, что это не присланный за ним кэб. Не нужно вскакивать, одеваться и в темноте мчаться на очередное убийство. А можно, не спеша перевернуться на другой бок или встать и выйти в сад с чашкой крепкого чая — просто так, без какой-либо цели.

Жилищем Лестрейда стал рыбацкий коттедж из красного кирпича на окраине деревни, сползающей к солоноватым плёсам устья реки Оттер, где вода Ла-Манша смешивалась с пресной речной, и откуда постоянно тянуло солью, йодом и мокрой галькой.

Купленный им участок был невелик. Большую его часть занимал двухэтажный, увитый плющом дом с фронтоном. За невысоким кирпичным заборчиком росли несколько кустов роз и, посаженные под верёвку, идеально подстриженные кустики лаванды — над которыми неустанно жужжали пчёлы. В углу, под старой грушей, стояла деревянная скамья.

Сорняки в палисаднике были для Лестрейда злейшими личными врагами — своего рода ботанической организованной преступностью. Особую неприязнь он питал к выюнку. Этот сор-

няк напоминал ему старого карманника: такой же невзрачный, живучий и способный пролезть в любую щель.

— Попался, мерзавец, — бормотал он, вырывая с корнем очередного нарушителя. — Думал отсидеться под крыжовником? Ошибся. В Бадли-Солтертоне законы те же, что и во всей остальной Британии.

В бывшей кладовой для сетей Лестрейд устроил кабинет: поставил книжный шкаф, письменный стол и старинный стул с высокой резной спинкой. Деревенский антиквар с алкогольным блеском в глазах уверял, что именно этот стул достался ему от деда-контрабандиста, выменявшего его за три бутылки рома у монахов из обители Святого Михаила в Оттертоне.

Лестрейд тогда только усмехнулся. Реальный дочерний дом французского аббатства, основанный после нормандского завоевания и упразднённый Генрихом V в 1414 году, — хозяин лавки явно приплёл к придуманной истории с ромом и дедом-контрабандистом. Но разочаровывать продавца Лестрейд не стал — и выяснять, где стул провёл последние пятьсот лет и отчего выглядит почти как новый.

На левой стене кабинета под стеклом висела литография Его Величества Георга V в парадном мундире адмирала флота. Инспектор не был пылким монархистом, но портрет напоминал ему, что Британия правит не только морями — но и здесь, в Бадли-Солтертоне. Была и другая причина. Этот портрет напоминал другой, королевы Виктории — исчезнувший из Букингемского дворца в день её кончины. Именно за то дело Корона назначила Лестрейду персональную надбавку по «Civil List Pension» в сто пятьдесят фунтов в год, с официальной формулировкой «за участие в особо важных расследованиях».

Справа от короля Георга висела карта Лондона, испещрённая датами, красными крестиками, синими кружочками и соединяющими их карандашными линиями. Карта была старая, сохранившаяся со времён службы Лестрейда в отделе уголовных расследований (CID).

Под картой, на полке, рядом со справочником «Кто есть кто», лежала пожелтевшая монография «Влияние профессии на форму руки» — с литографиями рук слесарей, моряков, наборщиков, ткачей и огранщиков драгоценных камней. На титульном листе красовалась надпись: «Самому упорному из моих друзей — от благодарного автора. Шерлок Холмс».

Каждое утро, после того как тележка молочника сворачивала за угол, Лестрейд выходил в сад, где вёл отчаянную борьбу с сорняками. Затем он брал удочку и шёл к галечному пляжу, где с деревянного причала удил не крупную камбалу, пикшу, мелкую треску и бестолковую сельдь, в сезон подходившую к берегу косяками. Возвращался с рыбалки, чистил и разделявал улов, потом садился писать мемуары или заметки для полицейского журнала.

Перед чаем снова копался в саду. А ближе к вечеру, когда крики серебристых чаек становились особенно пронзительными, Лестрейд набивал трубку табаком «St. Bruno Flake» и садился читать, либо прогуливался до монастырского склона и обратно.

Инспектор был убеждённым холостяком, и единственным его компаньоном был чёрный кот по кличке Мориарти — подобранный котёнком на месте одного из преступлений, обстоятельства которого Лестрейд не любил вспоминать.

Кот был абсолютно чёрным, с круглыми жёлтыми глазами, и обладал поистине дьявольской способностью исчезать из запертых комнат и появляться в самых неожиданных местах, предпочитая кухонный стол.

Мориарти был единственным существом, перед которым Лестрейд отчитывался о прошедшем дне. Вечерами, когда подобранный на пляже топляк больше дымил, чем горел, инспектор читал коту очередной отрывок из мемуаров.

Кот слушал с непроницаемым видом, нервно подёргивая хвостом, когда речь заходила о просчётах полиции. С каждой главой промахов становилось всё меньше.

Глава 2

Лестрейду нравилась деревня Бадли-Солтертон. Ему, привыкшему докапываться до сути вещей, импонировало даже её название, восходившее к саксонскому «Sealter-tun» — «город солеваров». За долгие века солевого промысла здесь просолилось всё: стены домов, скрипучие калитки, старые рыболовные сети и даже сами люди. Кожа местных стариков напоминала хорошо выделанную юфть, а их характеры были твёрдыми и едкими, как кристаллы соли, выступающей на прибрежных камнях после шторма.

Лестрейд любил ходить к старой смотровой башне, где на склоне, ныне густо поросшем дикой ежевикой, двести лет назад монахи ухитрились выращивать виноград. И благодарная лоза, вопреки солёным морским ветрам, цеплялась за каменистую почву с поистине религиозным упорством.

Каждый раз, обходя башню, Лестрейд внимательно разглядывал массивный фундамент. Говорили, что внутри располагалась подземная цистерна — архитектурный каприз, в своё время приспособленный контрабандистами под свои нужды. В XVIII веке туда заносили мешки с чаем, прибывавшим из Ост-Индии, и бочонки с французским коньяком, доставленным через Ла-Манш. Позднее, с изменением спроса, в прохладной темноте хранились бочонки с ямайским ромом, тюки виргинского табака и деревянные ящики с гаванскими сигарами «Партагас».

Местные жители — крепкие, немногословные рыбаки в тяжёлых шерстяных свитерах — поначалу косились на «лондонского умника», но со временем признали за своего. За кружкой эля в пабе они делились с Лестрейдом легендами, пропитанными табачным дымом и откровенным враньём.

Дойдя до призрачных двухмачтовых доггеров, бесшумно появляющихся из тумана, рассказчик, как правило, умолкал. И, потягивая трубку, задумчиво смотрел вдаль с видом человека, которому известно куда больше, чем сказано.

— Там было кое-что потяжелее, мистер Лестрейд, — глубокомысленно заканчивал очередную байку старый Финчли, чей нос, испещрённый фиолетовыми прожилками, напоминал перезрелую сливу.

За стакан тёмного портера он был готов поведать даже о встречах с призрачными фигурами в бухте Трёх Мертвецов — в чьих руках факелы не гасли ни в дождь, ни в шторм, указывая путь тем, кого не принимали ни рай, ни ад.

Лестрейд слушал рассказы с вежливой улыбкой, но, помимо его воли, топография бухт непроизвольно складывалась в маршруты, время появления парусников — в расписание, а направление движения — в схему.

Бухта Трёх Мертвецов лежала к юго-западу — значит, контрабандисты приходили с приливом, в темноте и без огней. Разгрузка должна была занимать не более двух часов и очевидно, что склады были не на берегу. Цистерна под башней подходила идеально.

Там, где местные видели призраков, Лестрейд усматривал чётко организованную контрабандную операцию, которую он бы накрыл за неделю. Но как бы он тогда смотрел в глаза соседям? А не накрыл — брал бы взятки?

И, не находя ответа, Лестрейд подзывал хозяина и заказывал всем по маленькой.

Инспектор даже наведалься в местный музей, расположенный в коттедже разорившегося рыбного магната, где ознакомился с исторической хроникой Бадли-Солтертона: от солеварен римской эпохи до контрабандных троп прошлых веков.

Рассматривая пожелтевшие хроники, Лестрейд обнаружил, что ряд почтенных отцов семейств, по воскресеньям громче всех тянувших церковные псалмы, были внуками самых отчаянных контрабандистов Девоншира — алкогольных и табачных пиратов, не боявшихся ни береговой стражи, ни чёрта, ни дьявола.

Отдельным персонажем было море. Не просто фон, а верховный судья и главный работодатель одновременно. Его постоянный шум напоминал вкрадчивый шёпот, а штормовой грохот — канонаду корабельных орудий. Здесь даже деревенская жизнь подстраивалась под морские и лунные циклы. Жителей больше занимали высота отлива и направление ветра, чем новости из палаты общин. Для контрабандистов прошлого это имело практический смысл. Для нынешних обитателей стало традицией.

Что оставалось Лестрейду непонятным — почему при таком количестве лавок и магазинов никто не разорялся. Он подозревал, что объяснение кроется в земле — в виде золотых франков, припрятанных предусмотрительными контрабандистами на чёрный день.

Местная почта, приютившаяся в лавке мистера Миллера, была сердцем деревенского организма, пропахшего сургучом, сушёной мятой и типографской краской свежих газет. На пристенных полках глиняные горшочки с вересковым мёдом соседствовали с коробками спичек, рыболовными крючками и открытками с видами скалистых берегов, раскупаемых туристами в солнечные недели июля.

На закате жизнь в деревне замирала — как вода в снятом с огня чайнике. И только серебристые чайки, полноправные хозяева Девоншира, сердито орали, вырывая друг у друга рыбу, не успевшую уйти с отливом. В вечерние часы деревенская почта превращалась в подобие клуба. Здесь разбирали сводки погоды, пережёвывали слухи из Эксетера, а порой — из самого Лондона.

Лестрейд любил заходить сюда в сумерках, слушая шекспировские комментарии к свежему некрологу, произнесённые так, будто сосед ушёл не в мир иной, а ненадолго в море.

Каждый новый день для Лестрейда становился точной копией предыдущего, и он получал от этого глубокое удовлетворение.

Глава 3

Пятница, 3 июля 1914 года началась с бодрящих запахов соли, йода и влажной гальки, принесённых утренним бризом. После восьми утра выглянуло солнце, и туман с улочек Бадли-Солтертон спустился к Ла-Маншу.

В саду, за низкой кирпичной оградой, лениво шевелилась лаванда и жужжали надоедливые пчёлы.

С чашкой свежесваренного чая Лестрейд присел на скамью под старой грушей и потянулся за оставленным здесь вчера номером «Daily Telegraph» — но чёрный, блестящий, как антрацит, Мориарти по-хозяйски поставил на газету передние лапы.

— Слезь, преступная рожа, не вредничай, — беззлобно проворчал Лестрейд.

Кот прищурил жёлтые глаза и приподнял только правую лапу. Лестрейд вздохнул и осторожно вытащил газету из-под выпущенных когтей левой.

Стук в калитку возвестил о прибытии почтальона Квентина, сын старика Миллера. Инспектор поставил чашку на скамью, встал, оправил жилет и вышел навстречу.

— Доброе утро, мистер Лестрейд! — поздоровался Миллер-младший, приподнимая фуражку. — К вам сегодня вести из далёких краёв.

Он передал инспектору «Daily Telegraph», местную «Western Times» и плотный конверт из дорогой бумаги цвета охры, с профилем Георга V на почтовой марке и округлым фиолетовым штемпелем: «Hong Kong – Victoria Post Office».

Обычно уходящий сразу, сегодня почтальон не спешил. Он переступал с ноги на ногу, не сводя с инспектора глаз.

Лестрейд вернулся к скамье, положил конверт сургучом вниз, развернул местную газету и принялся читать вслух — неторопливо, без выражения:

— *«Заседание комитета по организации регаты. На заседании, состоявшемся 2 июля в зале библиотеки, обсуждались вопросы унификации парусного вооружения лодок и распределения обязанностей среди добровольных помощников. Принято решение провести гонки в середине месяца при благоприятных погодных условиях. Особое внимание уделено поддержанию порядка на набережной и необходимости дополнительных скамей для зрителей. Рассматривался также вопрос о совмещении регаты с ярмаркой ремесленников. Комитет постановил обратиться к местным торговцам с просьбой о поддержке мероприятия. Желающим участвовать рекомендовано обратиться к секретарю комитета, мистеру Фредерiku У. Далглишу, владельцу типографии и библиотеки. Итоговое решение о программе перенесено на следующее заседание, куда будет приглашён старший констебль...»*

Почтальон разочарованно кивнул и отправился восвояси. Лестрейд забрал почту и прошёл в кабинет, плотно закрыв за собой дверь. Кот Мориарти уже ждал, устроившись на столе.

Инспектор сразу узнал почерк — уверенный, с лёгким наклоном вправо. Письмо было от Реджинальда Кэрю, колониального секретаря Гонконга.

Лестрейд сел за стол и переломил конверт. Сургуч треснул, как сухая ветка под ногой, но инспектор не стал вынимать письмо из конверта, а достал фотографическую карточку из верхнего ящика письменного стола.

Двое мужчин на фоне колоннады Бомбейского Таун-холла: Лестрейд — в тёмном хлопчатобумажном кителе с нашивками сержанта, с дубинкой и в пробковом шлеме. И — улыбающийся молодой человек в светлом костюме, с тростью в одной руке и шляпой в другой.

1881 год. Бомбей

У входа в здание полицейского управления к сержанту Лестрейду подошёл незнакомый англичанин — худощавый, чисто выбритый, в безупречно выглаженном костюме, с тростью и в шляпе-панаме.

— Сержант Лестрейд? — спросил он с оксфордским акцентом.

— Слушаю вас, сэр.

— Реджинальд Кэрю. Младший помощник коллектора в Пуне. Прибыл сюда по делам службы и... кхм... попал в весьма неприятную историю. Мне сказали, что вы — единственный в Бомбее, кто сможет помочь.

Лестрейд опустил взгляд и заметил сбитые костяшки на обеих руках. Кэрю слабо улыбнулся:

— Я неплохо боксирую. Вчера вечером имел неосторожность сыграть несколько партий в нарды с торговцем шёлком и проиграл ему сорок рупий. Двадцать я отдал, остальные отказался, посчитав, что меня обманули. Тогда двое друзей моего оппонента попытались заставить меня заплатить силой. Я защищался. Одному разбил нос, другому выбил зуб. Теперь торговец требует с меня сто рупий компенсации за причинённый его родственникам материальный ущерб.

Лестрейд усмехнулся:

— Вы приехали проверять рынки — и опрометчиво сели играть с базарным торговцем. Впрочем, я вам не отец и не старший брат. Обратитесь к комиссару, Джеймсу Форсайту.

— Мне сказали, что этот индус вхож в дом полковника Форсайта, и посоветовали обратиться к человеку, которого здесь уважают.

— Кто посоветовал?

— Капитан Моррисон, командир первой роты корпуса Бомбейских сапёров и минёров. Лестрейд знал Моррисона. Капитан не стал бы присылать к нему проходимца.

— Хорошо. Пойдёмте искать вашего вымогателя.

На задний двор лавки Кэрю вошёл первым, протиснувшись через узкую калитку в белёном известью каменном заборе. Толстый купец восседал на горе мягких подушек под навесом — и при виде англичанина радостно заулыбался. Заметив вошедшего следом Лестрейда, погрузнел, отдал чашку с чаем слуге и проворно сполз с подушек.

Лестрейд обошёл Кэрю, подошёл к купцу и сказал что-то вполголоса. Торговец побледнел, вскочил, закричал. Лестрейд произнёс вторую фразу — медленно и тихо.

Торговец замолчал, закатил глаза и, сложив руки в намастэ, поклонился. Что-то крикнул слуге. Тот опрометью кинулся в дом и вскоре выскочил обратно, держа на вытянутых руках мешочек из фиолетового китайского шёлка, стянутый золотым шнуром. Купец открыл его, достал золотую монету в двадцать рупий с портретом королевы Виктории и протянул Кэрю.

— Что вы ему сказали? — спросил Реджинальд, когда они вышли на улицу.

— «Джар ту пайсе парат диле нахис»... На маратхи значит, что если он не вернёт деньги, то сегодня ночью сгорит его склад на рынке, а завтра — в порту, на пятом причале.

Кэрю рассмеялся.

— Вы блефовали? И про склады, и про порт?

— Нет, — коротко ответил Лестрейд. — Здесь по-другому нельзя.

Так закончилось их знакомство в Бомбее, и начались приятельские отношения. Со временем их пути разошлись — Лестрейд вернулся в Лондон, а Кэрю образумился и сделал карьеру в Индийской гражданской службе. Потом его перевели в континентальный Китай, а с 1912 года — в Гонконг. После расставания их товарищество неожиданно переросло в эпистолярную дружбу.

Раз в три месяца Реджинальд присылал объёмные письма, напоминающие путевые заметки с живописными описаниями природы, местных обычаев и саркастическими, а порой и язвительными оценками окружающих его людей.

Лестрейд всегда отвечал коротко, сухо и по существу. Но это письмо пришло вне графика.

Лестрейд вытряхнул содержимое конверта на стол. Выпавшую первой фотографию, не глядя, отложил в сторону. Письмо начал читать вслух.

*«Дорогой Джордж,
зная, что ты наслаждаешься заслуженным покоем среди роз и девонширских туманов, я бы никогда не посмел тревожить твоё уединение, если бы не обстоятельства, не оставляющие мне выбора.*

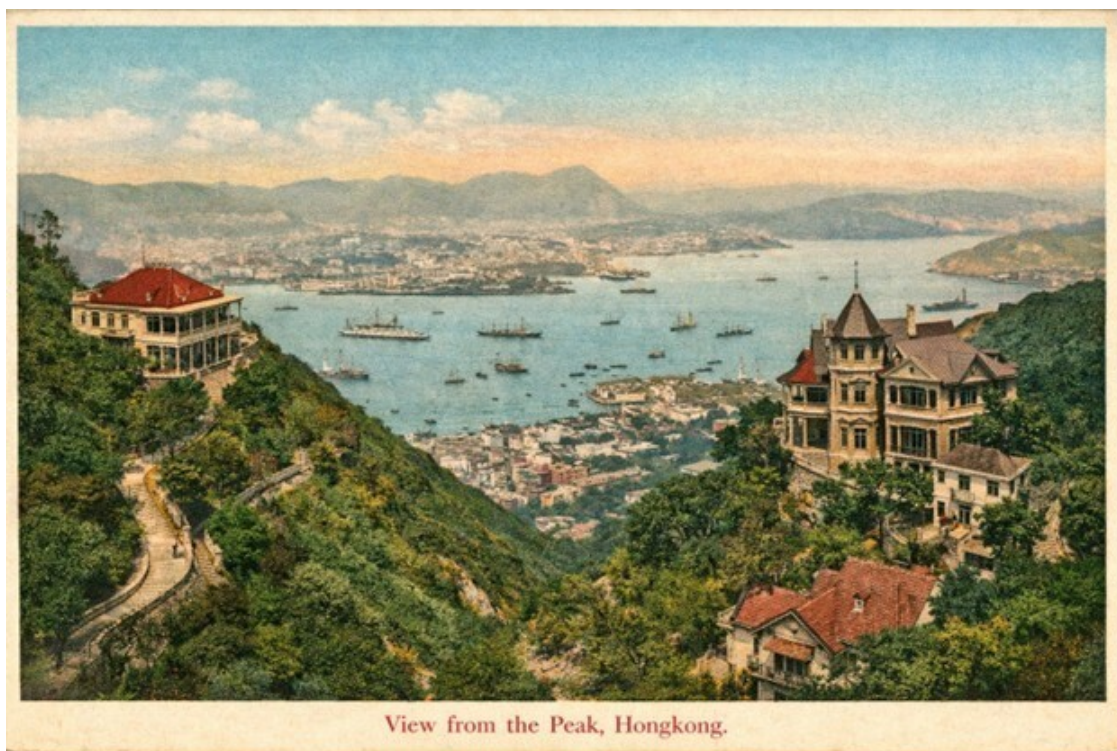
Прошу тебя приехать в Гонконг безотлагательно. Здесь произошло нечто, с чем я один не справлюсь.

Утром 28 мая был найден мёртвым сэр Персиваль Грейстон — британский торговец антиквариатом, известный коллекционер китайской старины и мой давний добрый знакомый. Его обнаружили в кабинете собственного особняка на Пике».

Задремавший Мориарти открыл один глаз и укоризненно посмотрел на замолчавшего хозяина.

«Не помню, писал ли тебе об этом раньше: так у нас коротко называют пик Виктории — престижный район в западной части острова. С середины XIX века здесь живёт губернатор. Со временем сюда подтянулись офицеры и состоятельные европейцы. С 1904 года, по специальному указу — Peak District Reservation Ordinance, — китайцам здесь жить запрещено».

Лестрейд оторвал глаза от текста. Реджинальд как-то присылал ему открытку с местными видами.

«Однако в доме бедняги Персиваля официально проживали старый слуга Ли Фу, кухарка, садовник и экономка. Полгода назад Грейстон нанял помощника из портовых докеров — некоего Чэн Вай-Луня, со шрамом через всю щеку, придававшим этому несчастному китайцу весьма устрашающий вид, отчего Вай-Лунь казался угрюмым и нелюдимым. Впрочем, он оказался исполнительным и технически грамотным — исполнял всю тяжёлую работу по дому и следил за электросетью.

Что странно, Джордж: и он, и кухарка исчезли на другой день после смерти Грейстона, не дождавшись похорон. На мой вопрос полиция отреагировала с полным равнодушием, мол хозяин умер, слуги ушли — странно, что ещё кто-то остался.

*Но вернёмся к несчастному Персивалю. Врачи разводят руками, единогласно склонившись к версии об апоплексическом ударе. Но у меня есть повод считать иначе. Дело в том, что на вытяжной трубе камина были начертаны киноварью два иероглифа: ## — *tīān shòu* — «небесное долголетие» или «долгая жизнь, дарованная небом».*

Лестрейд посмотрел на внимательно слушавшего кота и перечитал фразу ещё раз.

«Странное послание, не правда ли?»

Полиция провела осмотр, допросила слуг и на следующий день закрыла дело, на основании решения врача, признавшего смерть естественной. Иероглифы же посчитали «актом вандализма, начертанными post mortem, неизвестным лицом, с неустановленной целью».

Я попытался настоять на вскрытии тела и проведении химического анализа, но комиссар полиции Мессер ответил, что «у него нет на то оснований». На просьбу ознакомить меня с показаниями слуг — мне вежливо отказали.

Джордж, я не склонен к беспочвенным подозрениям. Но я достаточно хорошо знаю Гонконг. Жизнь его китайской части населения держится на связях, деньгах и страхе. Триады контролируют почти всё — от рики до содержателей опiumных притонов. Полиция это знает, но действует осторожно — иногда излишне осторожно, потому что почти все констебли и большая часть сержантов — из местных».

Кот неожиданно зевнул, обнажив розовую пасть и четыре острых, как иголки, клыка.

«Может быть, Грейстон и не был лучшим из людей. Да, он был эксцентричен, замкнут, увлечён своими древностями до одержимости. Но если его убили — а я уверен, что это так, — то за что-то.

Помнишь наши с тобой споры о законности и справедливости? Это именно тот случай, когда я прошу тебя восстановить справедливость.

Прилагаю фотографию. Её передал, обязанный мне полицейский фотограф. Все расходы по переезду и дальнейшему проживанию беру на себя. Кроме того, я обещаю тебе в Гонконге официальное покровительство.

Решишь отказаться — пойму. Но прежде чем согласишься, знай: это может быть опасно.

Искренне твой,

Реджинальд Артур Кэрю, эсквайр

Гонконг, 2 июня 1914 года

P. S. Если нуждаешься в деньгах — телеграфируй немедленно.».

Лестрейд медленно опустил письмо.

— Что скажешь, старина? — негромко спросил он кота.

Мориарти недовольно мяукнул и спрыгнул на пол.

Глава 4

Лестрейд отложил письмо и достал из верхнего ящика письменного стола жестяную банку с надписью «St. Bruno Flake». Открыл крышку — и в воздухе повис аромат трубочного табака: терпкий, с нотками чернослива, древесной коры и дыма далёкого костра.

Вынул несколько плотных тёмно-коричневых пластин, разломил пальцами, растёр между ладонями и набил трубку — не спеша, с точностью, выработанной годами. Взял коробок спичек, прикурил. Сделал первую затяжку — короткую, пробную.

Табак оказался свежим, чуть влажным — как он и любил. Вкус был глубоким, с лёгкой горечью тлеющих осенних листьев. Сизый дым медленно потянулся к открытому окну.

Лестрейд взял перевёрнутую фотографическую карточку и поднёс её к лампе. На снимке между высоких дубовых шкафов, набитых книгами и фарфором, застыла сама Смерть.

Сэр Персиваль Грейстон сидел в глубоком кресле, откинувшись на спинку. Правая рука касалась лацкана пиджака в районе сердца — классическая поза при сердечном приступе.

Над камином бросались в глаза два огромных иероглифа, нанесённых размашисто и небрежно. Потёки краски достигали каминной полки — словно кровавый след от когтей зверя, сползавшего по стене.

Кот Мориарти запрыгнул на стол и, деликатно обойдя чашку, подошёл к фотографии. Обнюхал бумагу — и вдруг, выгнув спину, издал низкое бурчащее шипение.

В 1894 году на груди убитого ласкара в доках Лаймхауса, Лестрейд видел иной знак — # (wēi), «опасность». И тогда он узнал, что красный цвет — любимый цвет Гуань Юя, божества войны и верности, чьи изваяния стояли на алтарях в логовах триад. А кровью скреплялись клятвы, писались угрозы и предупреждения.

Триады контролировали в китайском квартале Лондона практически всё: ростовщичество, игорные дома, проституцию, опиум. Это были не просто банды — тайные общества с древними традициями, жёсткой дисциплиной и сложными ритуалами посвящения. Иногда они оставляли послания на месте преступлений и на телах жертв.

Но здесь его смутила излишняя показушность. Подстроить несчастный случай с портовым грузчиком, отказавшимся платить за «защиту», — запугать, избить, порезать до крови, но не до смерти. Это был «почерк» триад в Лондоне, и вряд ли в Гонконге они вели себя иначе.

Лестрейд попытался представить убийцу, который вместо того, чтобы немедленно покинуть место преступления, лезет на каминную полку с краской и кистью, чтобы вывести на стене пожелание долгой жизни.

Зачем?

Чтобы свалить на триады и похоронить расследование в страхе перед ними?

Чтобы увидел и прочёл?

Кто? Полиция?

Но им это ни к чему.

Предупреждение?

Возможно.

И снова — кому?

Получалось, что главный вопрос здесь был не «кто убил» и даже не «почему» — а «кому адресовано послание»?

А может, сэр Персиваль и правда искал нечто, связанное с бессмертием? Занимался алхимией — или как это там в Китае называется?

Надпись «Небесное долголетие»...

Ещё в Индии Лестрейд как-то спросил одного знакомого торговца — банья: какой смысл продавать нарисованные на бумаге иероглифы? Кто их покупает? Ведь это не картины и не книги...

— Книги, сержант, — это копия и часто искажённый смысл чужой мудрости. Иероглиф, выведенный рукой мастера, — всегда оригинал, — ответил старик. — В Японии искусство каллиграфии стоит выше поэзии. А китайцы говорят: «Иероглифы — это наша душа». Для них написать криво — это оскорбить адресат.

Лестрейд поднёс лупу к фотографической карточке. Снимок был сделан на большую форматную камеру — детализация была потрясающей. Горизонтальные штрихи выполнены без диагональной динамики. Кисть ставили жёстко, оставляя кляксы, словно не писали, а тыкали в стену. Рисовальщик спешил, и мазки вышли неровные, с рваными краями.

— Что скажешь, Мориарти?

Сидящий у двери кот потянулся, выгнув спину дугой, и, задрвав хвост вертикально, важно покинул комнату.

Лестрейд вернулся к фотографии. Бумаги на столе, нераспечатанный конверт. Керосиновая лампа... Кому-то было темно — и он поднял фитиль слишком высоко, изрядно закоптив стеклянную колбу.

Лестрейд встал и подошёл к карте Лондона. Ткнул пальцем в район доков и повёл вправо-вниз и дальше по обоям — туда, где на карте мира был бы скалистый остров Гонконг.

Через десять минут Лестрейд уже шагал в почтовую лавку мистера Миллера. Там, в тесном закутке, пропахшем солёной селёдкой и сургучом, стоял единственный на всю округу телефон.

Глава 5

Почтмейстер, увидев инспектора, засуетился, вытирая руки о передник.

— Желаете позвонить, мистер Лестрейд? Линия сегодня работает на удивление чисто — Эксетер отвечает сразу. Звоните хоть в Китай.

— Отлично, Артур. Для начала соедините меня со Скотленд-Ярдом.

Миллер зашёл в тесный закуток к телефонному аппарату, яростно покрутил рукоятку магнето и, докричавшись до лондонского коммутатора, попросил соединить со Скотленд-Ярдом. После щелчков и продолжительного кладбищенского гула протянул трубку Лестрейду.

— Слушаю, — донеслось с задержкой, будто звук и вправду долетел из Лондона.

— Слушаю. Говорите, — повторил невидимый собеседник и, несмотря на шорохи и треск, Лестрейд узнал голос инспектора Тобиаса Грегсона — наследовавшего и его дела, и кабинет.

— Тобиас, это Джордж Лестрейд.

На том конце воцарилась тишина.

— Джордж? Что случилось? В Бадли-Солтертоне украли призовую тыкву с ярмарки?

— Оставь свои шутки, Тоби, — сухо сказал Лестрейд. — Сегодня я получил письмо от старинного приятеля из Гонконга. Ему нужна моя помощь. Выпрати мне полномочия от СІD.

— Гонконг? Ты с ума сошёл, Джордж. Ты газеты читаешь? В Европе пахнет порохом, кайзер бряцает саблей или, что там у него висит на поясе, — а ты собрался на край света ловить китайских кули? Если начнётся заваруха, ты можешь застрять там надолго.

— Я еду завтра восьмичасовым до «Ватерлоо». В Лондоне буду к половине второго. Хочу успеть на поезд до Тилбери и у меня не будет времени заезжать в Ярд. Пришли кого-нибудь с бумагами на вокзал.

— Джордж, ты — всё такой же. Умеешь озадачить с первой фразы. Ладно. Сделаю всё, что смогу, но я не бог и даже ещё не старший инспектор.

Лестрейд попрощался и повесил трубку.

— Вы нас покидаете, — огорчился почтмейстер, слышавший весь разговор. — А как же ваши розы и кот?

Лестрейд посмотрел на доску объявлений, где рядом с рекламой удобрений появилось свежее объявление о добровольческом наборе в армию Его Величества.

— Ничего. Розам расставание пойдёт только на пользу. А Мориарти я возьму с собой, будет кому за мной присматривать в логове китайского беззакония.

Лестрейд повернулся к телефону и энергично повернул ручку, повторно вызывая коммутатор.

— Барышня, соедините меня с офисом «Peninsular and Oriental Steam Navigation Company» в Лондоне.

Дождавшись соединения, Лестрейд спросил про ближайший рейс до Гонконга.

— SS «Maloja», — ответил клерк прокуренным голосом. — Отбывает из Тилбери завтра, в субботу четвёртого июля, в четырнадцать тридцать. Двухвинтовой почтово-пассажирский лайнер. Скорость — пятнадцать узлов. Заходы в Порт-Саид, Аден, Коломбо...

— Прекрасно, — перебил Лестрейд. — Сколько стоит место в первом классе?

— Каюта на двоих — от шестидесяти до семидесяти фунтов, одноместная — от восьмидесяти пяти...

— Дорого. А второй класс?

— Двухместная каюта — тридцать пять фунтов.

— А оба места?

— Мистер путешествует не один или предпочитает одиночество?

— Мистер предпочитает одиночество.

— Полуторный тариф.

— Хорошо, — сказал Лестрейд. — Беру оба места в каюте второго класса в районе миделя.

В трубке повисло одобрителное молчание.

— Вы морской капитан, сэр? — уважительно спросил клерк.

— Бывший полицейский инспектор.

— Уважаю, мистер. По мидель-шпангоуту — наименьшая амплитуда бортовой качки, да и килевая переносится лучше. Специально для вас, сэр, со скидкой за предварительный заказ — пятьдесят фунтов ровно. Билет заберёте у кассира перед посадкой.

Лестрейд прикинул: сто фунтов — пенсия за полгода, семьдесят пять персональная доплата от монарха, пятьдесят пять — осталось с прошлого года, минус расходы с января по июнь... До Гонконга им с Мориарти должно было хватить, а там Реджинальд компенсирует расходы.

— Договорились. Бронируйте.

Задержавшись в дверях, Лестрейд достал бумажник, вынул десятифунтовую банкноту и протянул её почтмейстеру.

— Надеюсь, Артур, этого хватит, чтобы мои розы не превратились в шиповник?

Дома Лестрейд открыл шкаф, вытащил чемодан и старый кожаный саквояж. На самом дне, завёрнутый в промасленную тряпицу и уложенный в деревянную коробку из-под гаванских сигар, лежал револьвер Webley калибра .455. Инспектор вынул коробку из саквояжа, убрал её в платяной шкаф, плотно прикрыв обе двери.

— Ну что, Мориарти, — сказал он коту, уже выглядывавшему из оставленного открытым саквояжа. — Придётся нам сменить чёрный цейлонский чай на зелёный гонконгский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.